

Серьга в ухе и ясные, по-младенчески прозрачные глаза. Высок, по-спортивному ладен, и... крутой лоб мыслителя. В толпе не затеряется, заметен. Алексей Кортнев — музыкант, поэт, шоумен, лидер группы «Несчастный случай», казалось бы, фигура на нашей эстраде давно известная и в представлении не нуждающаяся. Однако как часто наши представления довольствуются самым поверхностным. А в публике распустился стереотип, что если эстрада — значит, непременно легковесно и легкомысленно. Богема, она и есть богема, что с нее возьмешь?!

И тогда хочется пристальнее взглянуть в этот мир, увидеть его подлинное разнообразие, выделить то, что не подчинено стандарту, что своеобразно и талантливо.

— Алексей, я помню, как несколько лет назад удивила меня увиденная на сцене Студенческого театра МГУ программа вашего коллектива. Не помню, как она называлась...

— «Межсезонье» или «Синие ночи ЧК».

— Да, «Синие ночи». Меня поразила ваша гражданская смелость, я, пожалуй, впервые тогда услышала политический комментарий без привычных намеков, а впрямую, жестко и открыто называли вы черное черным... О белом как-то тогда не говорилось, не пелось вами. Молодые прекрасные ребята безупречно, как мне показалось, играли, плясали, пели, и все — про нас, про меня, про проклятую нашу жизнь!.. Это был невиданный тогда жанр политического кабаре. Талантливое, яркое, умное зрелище. Когда я сейчас вижу ваши выступления, они мне кажутся несколько иными...

— Да. Тогда социальность была лобовая. И даже рок-н-ролл примыкал к соцкаказу. На прямой вопрос времени — резкий социальный ответ. Этим тогда грешили и Цой, и Гребенщиков. Надо было выговориться, выкрикаться... И мы пели: «Генералы не дают мне спать, хотят видеть меня, чтобы двигать меня...». Но сейчас это стало содержанием газет. Публицистикой занялись публицисты. Думаю, сейчас был бы невозможен поэтический взлет Евтушенко, Вознесенского. Поэты должны писать стихи, а не агитпроп. Мы и ушли от лубка к лирике. От сатиры к юмору.

Конечно, от политики никуда не уйти. Политика, любовь, жизнь растворяются друг в друге, как физиологический раствор. Если ты живешь в этой стране, ешь ее продукты, ешь... и политику. Рок-н-ролл — явление социальное. Но политика как бы ушла из текста в подтекст. Какую бы выстроить параллель?

Вот вроде бы та же тема, но как у нас звучит сегодня... «Скажи, господь, зачем на свет мы рождены? А — ни за чем! А — не скребет. На нашу долю хватит мира и войны, воды во фляге и в кармане хлеба... Летают ангелы над головой...»

— Не дань ли это моде — господь, ангелы и в ваших песнях, как во многих других.

— Сначала они полетели у нас. Я даже обижался на некоторых друзей, когда встречал у них наши цитаты. Но ведь Бог всегда был, и у лучших из поэтов. Помимо всего прочего, удобное слово в один слог, удобный кирпичик для построения текста. Даже у обэриутов, помните, у Хармса: «Бог проснулся, отпер глаз...». Я не претендую на открытия.

— Вы ведь как-то плотно связаны с университетом?..

— Я четыре года проучился на механико-математическом факультете. И ушел в Студенческий театр МГУ, играл там Ленина в «Синих конях» Михаила Шатрова, мы выпустили спектакль одновременно с Ленкомом. Да, играл одинокого трагического человека, который рано умирает, который так ничего и не осуществил. Мы ведь тогда многого не знали...

— Представляю, что было с вашими родителями, когда вы бросили учебу...

— Да, это был страшный удар. И для папы, ученого секретаря отделения информатики Российской Академии наук. И для мамы, заместителя редактора международного научного журнала. Она — математик. И в моей жизни все было запрограммировано. Карьера расчищена на много лет вперед: аспирантура, наука — пока я не свалил в сторону... Успокоились потом, когда произошла социальная адаптация, пришло признание. В ночные клубы я их, конечно, не приглашаю, а в хорошие кон-

Он — милый. (Хор отвечает — А. К.) Он милый.

Он — гадкий. Он гадкий. Но сердце пронзенное сладко поет. (И рефрен — А. К.)

Это любовь. Это — точно любовь. Кстати, эта песня и несколько других были написаны к спектаклю Гриши Гурвича и его театра «Летучая мышь» по пьесе М. Фриша «Биография».

— А как у вас самого с этой самой любовью? Есть ли у вас семья? Почему-то считается, что у людей эстрады не бывает хороших семей...

— И это чистая правда. Все, кто имеет отношение к развлечению публики, — это особые люди. И у них особый режим жизни, который трудно бывает совмещать с семьей. Моя жена — актриса вахтанговского театра Юлия Рутберг. Мы с женой видимся 1—2 часа в день. Хватает. Вместе ездим в отпуск, стараемся выбирать зимой и летом. Зимой — в горы. Летом были в Сицилии. Поскольку финансовые возможности, да и всякие другие открылись лишь недавно, стараемся каждый раз ездить в новые места, путешествуем.

— Вам, наверное, и детей-то некогда завести?

— И у меня, и у Юли есть два сына от предыдущих браков, Тема и Гриша, ровесники — по 10 лет...

— Действительно, трудно представить себе семью без общего ужина. Без щей и пирогов.

— Нет никогда ни щей, ни пирогов. На это нет ни сил, ни времени. Хотя затраваем вместе. Но и Юля сейчас репетирует два спектакля в мирзоевском «Амфитрионе» и в пьесе Стриндберга. И я очень занят. Еще работаю сценаристом в крупном рекламном агентстве. Кстати, здание, где сейчас размещается «Летучая мышь», когда-то строилось для артистов МХАТа, так там совсем не было кухонь, бедные люди, которые сейчас там живут, перестраивают их из

Веч. Москва. -1997. -18 окт. -с. 5.

ОТ «СИНИХ НОЧЕЙ ЧК» ДО «НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ»

Фото Елены ЛАПИНОЙ

цертные залы на мои концерты ходят. Смирились.

13 сентября 1983 года мы создали свой коллектив. Сейчас ему исполнилось 14 лет. В прошлом году отмечали юбилей, 13 лет — это наша дата, все-таки «Несчастный случай». Занимаюсь любимым делом. Сейчас готовим новый альбом. Он получается сложнее по музыке, чем предыдущие «Межсезонье», «Труды пудов», «Майн либер танц», хитрее сыгран, состыкован, больше симфонизма, чем прежде. Мы там позволяем себе по 10 минут звучать одной песне, мелодии, в два раза больше, чем привычно, это редко кто себе позволяет, «Пинк-фloyd», например. Альбом, как все наши, некоммерческий.

— Но вроде ваши альбомы хорошо расходятся.

— Хорошо, если удастся до 10 тысяч экземпляров. А у Филиппа Киркорова тиражи — сотни тысяч экземпляров.

— Удачи вам.

— Спасибо.

— Может, вспомните какие-нибудь строчки из нового альбома?

— У нас трудно выдергивать строчки, становится все бессмысленно. Но, пожалуй...

«Амур, что делает здесь этот мальчик с рогаткой,

Чего он прицелился в сердце мое?

ванных комнат. Зато наверху был ресторан.

Но разве в любви соединяют борщи с пирогами? Есть родство душ, взглядов. Любовь... Мы очень интересны друг другу. Очень друг другу помогаем. С коллегой не будешь делиться неудачей, а здесь можно поплакаться на собственную бездарность... Побиться головой об стенку...

— Так что с театром вы связаны перманентно. А не хочется снова поиграть?

— Хочется. Рок-н-роллышки вообще тяготеют к театру. Гарик Сукачев, Толя Крупнов. Но вряд ли для меня это сейчас возможно. Ведь театр — это жесткий график. А я не могу жертвовать интересами своих людей — многие из них живут только на концертные заработки, ради собственных творческих амбиций.

— А зачем вы носите серьгу в ухе?

— Когда она появилась, это было неким вызовом, знаком особой независимости. Все мы их повтыкали. Если я стал петь, значит, с серьгой. Ну зачем ее вынимать? Это — часть меня. Ничего в ней ни почетного, ни зазорного. Пускай себе висит!

Таков он — Алексей Кортнев. Артист. Поэт. Музыкант. Оригинально мыслящий человек. Индивидуальность. Личность.

Анна КУЗНЕЦОВА

Кортнев Алексей

18.10.97